
— Маноре¹ Манире, старший знающий Атанар вылетел в столицу, поэтому вы будете замещать его два дегона² на выпускных курсах! — непререкаемым тоном заявил глава Академии Ранмарн, выдавая мне расписание занятий групп «Атакующие» и «Ведущие».

Два дегона! От потрясения книга записей выпала из рук, а я осталась стоять с открытым ртом. Впрочем, перспектива оказаться под пристальными взглядами молодых военных пугала больше, чем тон главы. И я дала волю чувствам скорее от испуга, чем от негодования:

— Знающий третьего танра инор³ Осане, я вынуждена отказать от этой великой чести... Инор Осане, там занимаются те, кто старше меня на много лет! Я лишь первый год младшая знающая! Я обучаю ранмарнов от двенадцати и до семнадцати лет, а вы отправляете меня в группы, где обучаются военные в возрасте от двадцати семи до тридцати пяти полных оборотов Талары! При всем моем уважении к вам, вынуждена указать на более чем очевидный факт: «Атакующие» и «Ведущие» не будут воспринимать меня как преподавателя!

¹ Маноре — обращение к женщине старше восемнадцати лет.

² Дегон — сорок оборотов Талары.

³ Инор — обращение к мужчине старше двадцати пяти лет.

Темный кабинет главы академии и личного советника таара Иргадама мгновенно сменил цвет стен с уютного теплого светло-бежевого, имитирующего дерево, до безжизненного холодно-серого. Овальное помещение теперь напоминало стальной кион, в котором родным доставляют тела убитых. Намек был недвусмысленным: на кого посмела голос поднять!

Я испуганно вздрогнула и невольно сделала шаг назад.

На губах инора Осане промелькнула полная превосходства и некоторого садизма усмешка, заставляющая поверить в те ужасы, которые о нем шепотом рассказывали в темных углах преподавательской, но когда глава Академии Ранмарн заговорил, его голос был исполнен лишь вежливого участия.

— Лирель, позвольте называть вас так, — проникновенно начал инор Осане, — мы с вами прекрасно знаем, что в результате последнего изменения политики партии нашего горячо любимого правителя таара Иргадама преподавателей «Истории становления Талары» стало значительно... меньше. Благодаря этому вам был предоставлен шанс войти в уважаемый коллектив знающих Академии Ранмарн. Мы приняли вас, мы обучили вас, вы стали членом нашей семьи. Сейчас ваша очередь сделать шаг во имя учебного заведения, в котором вам оказали честь! Вы справитесь, маноре Манире! Я верю в вас!

Вот и все.

Серые как железобетонная стена глаза инора Осане смотрели пристально, казалось, даже с некоторой долей сочувствия, но непоколебимо и безапелляционно. И что

я могла еще озвучить, кроме благодарностей и заверений в том, что высокое доверие будет оправдано?

Оставался всего один шанс.

— Позвольте лишь спросить, — я судорожно вспоминала расписание лекций выпускных групп «Атакующие» и «Ведущие», — в плане теоретических занятий у старших групп получают накладку с младшей и первой средней, которые веду я, и...

— Не стоит беспокоиться, — нетерпеливо прервал меня глава академии, — на два дегона эти младшие группы отправляются на полевые учения!

Мой личный кион¹ с глухим стуком захлопнулся.

Еще раз смиренно поклонившись, я покинула кабинет инора Осане.

За спиной с тихим шипением закрылась дверь, вынуждая поторопиться к лифту. Кабинет главы располагался на сто сорок четвертом этаже, венчая здание Академии Ранмарн, а комната преподавателей находилась на первом этаже, рядом со входом — наверное, чтобы знающие могли сбежать. Или по крайней мере у них оставалась надежда на это.

Еще раз взглянула на сеор² с расписанием и глухо застонала — первое занятие у «Атакующих» всего через девять кан³. Мне предстоит провести занятие с группой, которую я видела мельком — всего раза два на общем построении!

¹ Кион — овалный серый саркофаг.

² Сеор — кристаллическая пластина для записей и хранения информации.

³ Кан — отрезок времени, равный восьмидесяти кин.

Но паниковать времени нет. В сложившихся обстоятельствах я могу лишь действовать, пусть и почти механически. Нужно просто начать действовать.

Войдя в оге, прислонившись спиной к прохладному стеклу лифта, доехать до первого этажа. Пройти под полными сочувствия взглядами знающих к своему столу, взять сеор с планом занятия... Для второй средней категории обучающихся, потому как к занятию с выпускной группой «Атакующие» я, естественно, была не готова... И снова выйти к лифту.

Лифт — все время применяю это древнее название к оге. Впрочем, они сходны по действию, хоть и принцип другой: в оге может перемещаться до тысячи человек одновременно и на разные этажи, но вы будете ехать лишь с тем, кто вошел одновременно с вами.

Я остановилась, пропуская других знающих и дожидаясь, пока они исчезнут в проеме, чтобы иметь возможность хотя бы мгновение побыть в одиночестве.

Думай, думай, думай. О чем угодно, даже об оге, главное — не позволять страху и неуверенности охватить сознание.

Я продолжала совершать абсолютно механические действия, чтобы не предаваться панике. Взглянуть на себя в зеркальную стену, одернуть юбку, которая и так скрывает даже носки строгих туфель, поправить темно-синюю блузку с высоким воротом и широкими рукавами, стянутыми манжетами на запястьях, — стандартная форма знающих, даже мужчины носили юбки, но иного покроя.

Лифт замер на отметке «восемьдесят восемь», и пришлось, гордо подняв голову, покинуть спасающий одиночеством оге и проследовать на урок.

Подойдя к двери, приложила сеор с расписанием — в Академии Ранмарн безопасности всегда придавали особое значение, посторонний знающий не мог войти в не предназначенный для него класс.

С трудом удержалась от горькой улыбки, когда дверь с тихим шипением ушла в сторону, пропуская меня в ад. Не то чтобы атакующие были жестокими или любили срывать уроки... просто те, кого называли «надеждой Талары», больше внимания уделяли предметам военным, напрочь игнорируя такой ничтожный предмет, как «История становления Талары», вполне обоснованно считая его ненужным и лживым.

— Рада приветствовать атакующих старшего ранга! — не глядя на обучающихся, произнесла я, спокойно и величественно направляясь к центру классной комнаты.

«Знающие всегда сохраняют спокойствие. Знающие величественно несут свет знаний. Знающие всегда вежливы. Знающие не ведают страха...» — Я повторяла это про себя снова и снова, надеясь обрести ту уверенность, что дарил мне этот лозунг ранее.

Мне следовало спокойно пройти по рядам под напряженное молчание, стараясь не смотреть на широкие спины и могучие плечи, обтянутые черными мундирами, стараясь не замечать удивленные и даже гневные взгляды.

Затем подняться на наран, подойти к преподавательскому столу, поставить на мраморную поверхность сеор с расписанием и сеор с планом урока. Ввести личный код знающего на панель управления иллюстрационной доской и с вежливой улыбкой повернуться к обучающимся.

Это было страшно! Действительно страшно пытаться учить тех, кто сильнее, старше, во многом умнее и вообще не уважает предмет. Соберись, Лирель Манире, это твое первое обучающее занятие здесь, а их еще очень много впереди...

— Группа «Атакующие», встать и поприветствовать знающего!

Это точно я сказала?

Я умею говорить таким голосом?

Мой голос не дрожит и кажется уверенным?

Они подчинились, и грохот отодвигаемых стульев был немногим громче биения моего сердца. О великие свидетели, за что вы так со мной?!

Тридцать два обучающихся стояли, мрачно разглядывая... меня — мелкую по сравнению с ними девятнадцатилетнюю младшую знающую, которая была готова упасть в глубокий и безвозвратный обморок под этими суровыми, неприязненными взглядами.

— Спасибо. Садитесь!

И это снова сказала я, пытаясь не смотреть им в глаза... а ведь это необходимо, нас этому еще в младшей группе учили. Необходимо поддерживать зрительный контакт с аудиторией, чтобы отслеживать действенность преподаваемого материала!

Попыталась напомнить себе, что у меня лучшие результаты в группе; и вообще меня, все обучающиеся любят, и, значит, должна справиться даже сейчас. Я и так держала голову высоко поднятой, а спину прямой, теперь нужно поднять глаза и посмотреть...

А может, толкователи ошиблись и линия знающих — не моя?

И в целом меня в двенадцать хотели перевести в познающие искусство... Возможно, именно так и стоило поступить? И тогда всего этого бы не было...

Великие Свидетели, что я здесь делаю? И как мне здесь работать?

Атакующие старшей группы были воинами, уже неоднократно участвовавшими в сражениях. Они обучались в Академии Ранмарн, чтобы стать лучшими из лучших, тактика и стратегия боя были в приоритете их обучающей программы, а тут я... со своей «Историей становления Талары».

— Меня зовут маноре Манире, я младшая знающая и буду замещать старшего знающего Атанара два последующих дегона. Приступим к занятию.

Они подчинились и не проронили ни звука, но на лицах промелькнули крайне странные победные ухмылки, многие начали переглядываться, некоторые писать сообщения. Проблема в том, что вся их переписка отражалась на моем столе сияющими надписями, о чем они были осведомлены. Они знали, что я это увижу и прочту, и все же не остановились.

«Агейра, прими поздравления!»

«Агейра, ты сделал это!»

«Осталось от этой пигалицы избавиться, и тогда они наконец уберут этот тупой предмет из курса!»

Записи мелькали на моем столе, подписанные именами обучающихся...

Молчать я не стала. Может, и зря...

— Инор Тримере, инор Тео, инор Млен, встать! — В моем голосе прозвучали стальные нотки, все же постановкой речи знающие занимались с младенчества.

Эти трое почти один кан молча смотрели на меня, но я не отвела взгляда, и обучающиеся подчинились.

А теперь начнем воспитательный процесс:

— Инор Тримере, все поздравления после окончания занятия. Инор Тео, вас это также касается. Инор Млен, если у вас проблемы со слухом, я назначу повторную медицинскую комиссию, и, возможно, дефекты слухового восприятия не позволят вам и далее оставаться в группе «Атакующих». Если мои подозрения по поводу ваших проблем с ушами верны, я повторю все еще раз. — И уже значительно громче: — Меня зовут маноре Манире, я младшая знающая и буду замещать старшего знающего Атанара два последующих дегона! Теперь вы всё расслышали?

Видимо, первое испытание на прочность я прошла, потому что обучающийся глухо ответил:

— Простите, знающая Манире, я все расслышал... еще в первый раз.

— Рада за вас! — Ликование подавила волевым усилием. — Все трое можете сесть и приготовьтесь использовать сеор по назначению!

Ликовать сейчас не стоило, стоило пройти, встать за стол, взять стик и начать делать записи, которые, являясь примером идеальной каллиграфии, воспитанной в знающих, вспыхивают на доске за моей спиной.

— Тема занятия: «Битва при Карадаре — уроки и последствия».

На столе вспыхнул красный огонек. Я подняла голову, посмотрела в правый угол аудитории, на того, кто испросил возможности задать вопрос, и впервые увидела столь красивое лицо. Но значительно больше меня по-

разил взгляд темно-фиолетовых, очень умных и пронизательных глаз. Удивительный взгляд.

— Инор Агейра, — назвала имя, сверившись со списком, — у вас есть вопрос? Можете задать.

Обучающийся поднялся, и помещение сразу стало казаться мелким и незначительным по сравнению с его величием. Странно, что он здесь, среди атакующих. Его властность, движения, жесты скорее подошли бы обучающемуся в группах «Ведущих».

— Позвольте поправить вас, маноре Манире: по программе знающего Атанара мы остановились на изучении Сиарийской битвы, — с мягкой насмешливой снисходительностью произнесла эта явная аномалия в группе «Атакующих» и без разрешения опустилась на стул.

Быстрый взгляд на сеор и просмотр пройденных тем, затем уверенный ответ:

— Боюсь, вы ошибаетесь, инор Агейра. Здесь указано, что вы прошли проверяющее занятие по Сиарийской битве, и сейчас в соответствии с учебным планом следует битва при Карадаре.

Атакующий усмехнулся, в его глазах промелькнуло выражение абсолютного превосходства, и он вновь поднял руку, испрашивая возможности задать вопрос. Вероятно, истина соответствовала его высказыванию, и причиной тому, вполне возможно, являлся срыв занятия, проводимого знающим Атанаром. Только этим можно было объяснить столь победно-торжествующую реакцию обучающихся на озвученную мной информацию о замене, пусть даже временной, их прежнего знающего. Но вступать в дискуссию я не могла — не мне, младшей знающей, обсуждать действия и решения старшего зна-

ющего Атанара. Пришлось прервать спектакль прежде, чем эта легенда группы успела сорвать занятие.

— В любом случае, инор Агейра, вы сможете наверстать упущенное со старшим знающим Атанаром, когда он вернется, а сейчас мы будем следовать учебному плану.

Милостивый кивок, словно это он здесь командует, а не я, знающая. И лишь после его дозволения остальные обучающиеся действительно приготовились к лекции.

Ладно, потерпим.

— Итак, вернемся к теме урока. Это был хмурый день, когда свинцовые тучи грозили разразиться не столько дождем, сколько крупинками льда, но командующий Ласвааль не отказался от планов и расположил войска клином. — Несколько штрихов, и на доске вспыхнул схематический план расположения войск. — Также было решено использовать лучевые войска, их поставили на подступах в ущелье.

Стол вновь вспыхнул красным, и снова это был вопрос от инора Агейра.

— Слушаю! — Я обязана быть сдержанной, но нотку раздражения себе позволила.

Подчеркнуто медленно эта белобрысая тварь поднялась, обвела взглядом класс и задала вопрос:

— Уважаемая знающая, позвольте поинтересоваться, какое отношение свинцовые тучи, грозящие разразиться не столько дождем, сколько крупинками льда, имеют отношение к занятию по Карадарской битве?

Должна признаться, я всегда гордилась умением рассказывать так, чтобы обучающиеся прониклись моментом, чтобы почувствовали атмосферу, и это неизменно

давало положительные результаты, так гораздо лучше запоминалось, а тут...

— Инор Агейра, — в моем голосе только вежливость и учтивость, ничего более, — позвольте мне вести обучение так, как я и Совет знающих считаем нужным. Вы не относитесь к знающим, поэтому, согласитесь, ваше мнение не может являться авторитетным в вопросах преподавания. На этом все, садитесь.

Но этот нахал, вместо того чтобы подчиниться прямому указанию, позволил себе продолжить срывать занятия:

— При всем моем уважении к вам, маноре Манире, я не высказывал мнение, я лишь задал вопрос, от ответа на который вы демонстративно ушли.

Нет, толкователи в нем не ошиблись — инору Агейре точно было не место среди «Ведущих», в «Атакующие» его определили совершенно верно!

Но конфликт следовало остановить, и остановить прямо сейчас. Это не младшие группы, здесь мой статус знающей не дает мне преимуществ неоспоримого авторитета, а значит, спор следовало прекратить самым дружелюбным и располагающим образом.

Вежливая улыбка коснулась моих губ, я позволила себе улыбнуться благосклонно и с небольшой долей превосходства — всегда срабатывало с детьми и подростками. Абсолютно всегда. Обучающие, видя мою улыбку, успокаивались, отвечали улыбками в ответ, и нервозность и напряжение покидали их. Так было всегда.

Но не сейчас.

Реакция оказалась абсолютно иной. У Агейры правая бровь взметнулась вверх, надменно усмехаться он мгновенно перестал, но в его глазах промелькнуло нечто та-

кое, что заставило мое сердце испуганно замереть. Что-то не так. Произошло что-то очень неправильное. Но у меня не было времени разбираться, что именно.

Одно я поняла точно: здесь приемы, отработанные в младших группах, не работают!

Вновь улыбнувшись и стараясь сохранять величественность и достоинство, я вежливо произнесла:

— Инор Агейра, после занятия я отвечу на ваши вопросы, если вы так сильно желаете улучшить свои знания в области техник обучения, но сейчас садитесь и постарайтесь более не прерывать меня!

К моему искреннему изумлению, он сел, продолжая разглядывать меня с *тем же* странным выражением лица. Но все же сел, а значит, можно продолжить урок, и это главное.

* * *

Я очень люблю процесс обучения, ту ауру, которая возникает в аудитории, когда дети, замирая, внимательно слушают меня. Нет ничего прекраснее блеска этих жаждущих знаний глазенок, в которых горят интерес и любопытство. В рабочем квартале говорят, что знающим платят неподобающе много, но я абсолютно точно знаю, что большинство из нас работают не ради денег, а ради вот этого искреннего восторга в глазах обучающихся. Ради того света знаний, что мы передаем нашим обучающимся, и ради той радости, что испытываем, видя успехи наших учеников. И я люблю свою работу, горжусь тем, что я знающая и мой долг дарить знания, ценю каждый миг обучающего занятия — потому что это моя Мечта.

И когда я начинаю говорить, это уже словно не я, это младшая знающая Манире, это знающая, которая несет свет знаний.

— Битва при Карадаре уникальна тем, что здесь впервые способствовал победе именно гений полководца. Командующий Ласвааль использовал и свои военные познания, и погодные условия, и... идею, которую при обсуждении боевой стратегии накануне сражения не поддержал никто из его подчиненных. Запомните этот факт — все исполняли приказы командующего лишь из-за военного устава! — На доске вспыхнули схематические изображения основных моментов битвы. — Мы имеем стандартную схему «Сокол и клещи», идеальную на начало боевых действий, но вот начинается буря, погодные условия существенно меняются, снижается видимость, и командующий Ласвааль вводит дополнительные наземные войска.

Это был мой любимый момент данной темы. Сейчас на видео демонстрировалось, как из-под земли прямо в месиво вражеских войск врываются низкие стальные таге на воздушных подушках. С этого момента исход битвы был предрешен.

— Я хочу, чтобы вы уяснили один момент... — Я остановила изображение и повернулась к обучающимся. — В любой битве главное значение имеют тактика и стратегия, а также безукоризненное исполнение приказов главного ведущего! Войска объединенных народов уничтожили благодаря идее главнокомандующего, с которой все были не согласны, но именно его идея привела к победе. Битва при Карадаре — одна из ключевых в Осаэской войне, именно с этого момента наши войска начинают серию победоносных сражений. А теперь запишем

основные моменты и даты и вернемся к изучению обучающего материала.

Мгновения триумфа, когда вся группа заинтересованно смотрела на меня и внимательно слушала, закончились.

Первым поднял руку инор Тео с чуть раскосыми карими глазами, темной загорелой кожей и длинными волосами сиреневого оттенка. Вторым — инор Гаме, зеленоглазый, светлокожий, с зелеными волосами. Нет, волосы у них от природы совершенно не такие, просто атакующие всегда в черном, строгий устав оставлял на усмотрение военных лишь прическу, поэтому в этой группе имелось шестеро обучающихся с малиновыми волосами, двое с ярко-оранжевыми, остальные предпочитали оттенки от белоснежного до серебристо-серого. Не скрывали черного цвета волос лишь трое: «Соколы Аране», группа, которая в любых военных схватках держалась вместе, и их действия были синхронны и отработаны до автоматизма. Пожалуй, еще одним, не скрывающим своего цвета волос, был Агейра, но тот даже не красился, и в мочке его уха блестела одна-единственная серьга, в то время как остальные любили себя украсить. И вот именно Агейра внезапно склонился к своему столу, и у всех атакующих вспыхнула одна-единственная строка: «Не мешайте знающей вести занятие!» Удивление, появившееся в глазах атакующих, не шло ни в какое сравнение с моим искренним изумлением.

Поблагодарив обучающегося признательным кивком, я продолжила урок.

Под диктовку атакующие записывали даты и события, я же давала необходимые пояснения. На моем столе вспыхивали строки, сообщающие, кто сделал ошибки

при записях, по стандартам старших групп в Академии Ранмарн их требовалось корректировать в процессе.

— Инор Алин, исправьте ошибку в слове «договор». Инор Сарн, год семь тысяч шестьсот девяносто восьмой, а не семь тысяч шестьсот восемьдесят девятый. Инор Тео, две ошибки в слове «репарация». «Атакующие», знание грамматики у вас нуждается в значительной доработке.

* * *

Я завершила преподавание нового материала в рекордные сроки, и до конца занятия еще оставалось девятнадцать кан. По плану урока, разработанному для младших групп, как и большинство моих учебных планов, далее шла игра на закрепление материала. Мы с детьми игры обожали, младшие обучающиеся всегда ждали момента, когда я скажу: «И так как вы сегодня просто замечательно себя вели и великолепно усвоили материал, давайте поиграем».

Менять прием закрепления полученных знаний я не видела смысла. Во-первых, все было выверено, и именно игровой метод предусматривался по плану, так как давал наивысшие результаты в закреплении учебного материала. Во-вторых, а что мне еще было делать с атакующими, еще и девятнадцать кан? Уж точно не отвечать на каверзные вопросы.

Я подняла голову, обвела группу веселым взглядом и радостно произнесла:

— Так как вы сегодня просто замечательно себя вели и великолепно усвоили материал, давайте поиграем!

Если эти военные действительно думали, что уже разучились удивляться, то сейчас их уверенность в этом сильно пошатнулась. Сердце мое замерло, но професси-

ональная привычка держать лицо и сохранять спокойствие, даже если за стеной пожар, выручила и на этот раз.

— Игра очень простая и великолепно позволяет закрепить пройденный материал. Итак, мы сейчас встанем и поделимся на две команды. Ваша главная задача — добежать до доски и написать правильный ответ. Я даю по одному начертательному икате¹ на каждую команду.

Они все так же взирали на меня как на сбежавшую из Дома лечения. Пришлось подбросить «пряник»:

— Те, кто побеждает, освобождаются от домашнего задания, а проигравшая команда будет писать работу на тему «Предполагаемые итоги поражения Талары в битве при Карадаре». Размер не менее трех листов на сеоре!

Вот теперь они вдохновились моим предложением поиграть и, поднявшись, отошли на шаг от столов. Я нажала на панель, и учебные места с тихим шипением втянулись в пол, оставив пространство для игры.

— Выберите капитанов команд, — уже менее уверенно проговорила я, осознав, что передо мной не дети.

Ко мне подошли... Агейра и темноволосый инор Даган из тройки «Соколы Аране». Ну да, как и везде, в группе имелся формальный лидер — инор Даган, прославленный в битвах и пользующийся уважением знающих и руководства, и неформальный лидер — инор Агейра. Хуже всего то, что лидеры находились в ярко выраженном конфликте, а это не обещало легкого обучающего процесса.

— Ранмарны, — протянула обоим по икату, — предупреждаю: за шум и выкрики с мест количество баллов снижается!

¹ Икатуе — кристаллический грифель.

Рост у меня чуть выше среднего, но я испытала несколько не слишком приятных моментов, когда последовала в конец аудитории, чтобы лучше контролировать обучающихся, потому что абсолютно все в этой группе были выше меня на голову как минимум! И как-то не чувствовала я себя здесь в безопасности...

Дойти до конца помещения, развернуться и поймать на себе изучающие взгляды тридцати пар глаз, потому что капитаны команд недружелюбно уставились друг на друга, и смотреть на меня у них времени не было.

В этой группе больше никаких игр!

— Все приготовились? — радостно улыбнулась я. — Первый вопрос: в каком году произошла битва при Ка-радаре?

Это не было командной игрой! Это было сражение между Агейрой и Даганом. Лидер «Соколов Аране» метнулся к доске первым, но Агейра ловко подсек его и, совершив невероятный кульбит с кувырком в воздухе, оказался у доски первым, мгновенно написал верный ответ. И все это в абсолютной и благопристойной тишине!

— Первый балл за командой инора Агейры, — еле слышно произнесла я, — вернитесь на место.

Устало прислонившись к стене, поставила палочку первой команде, счет тут же отразился на доске.

— Вопрос второй, — уже почти дрожащим голосом произнесла я и очень тихо добавила: — Как назывался договор, заключенный командующим...

Договаривать не имело смысла, потому что Агейра уже метнулся к доске, перескочил преградившего ему доступ Дагана, извернулся и, совершив еще один прыжок, написал верный ответ.

Они превратили безобидную игру в весьма... небезобидное сражение!

— Бал первой команде. — Так хотелось сесть и поплакать, но пришлось держать себя в руках. — «Атакующие», я понимаю, что вы не привыкли к командной игре, но все же... Давайте усложним процесс: отныне капитаны не могут отвечать. Привыкайте работать в команде!

О Великие Свидетели, что же я делаю? Лучше бы Агейра и Даган соревновались между собой, чем вот так...

Едва прозвучал третий вопрос, как началось сражение, не уступающее Карадару! Нет, они не дрались, и тишина стояла оглушающая, но прорваться к доске не было никакой возможности, так как обе команды не позволяли членам другой написать ответ.

— Так, хватит! — Гневной меня на занятиях видели редко, но если видели... — Это соревнование в знаниях, а не в умении удерживать соперника! Разошлись, немедленно! — Тридцать два здоровых военных хмуро посмотрели на одну маленькую меня, но подчинились.

Я быстро дошла до стола перед доской и задала новые параметры: теперь аудитория была разделена на две половины сияющей стеной.

— Надеюсь, с этого момента соревнование примет более подобающую форму! Третий вопрос: количество актов, подписанных после битвы при Карадаре!

По обе стороны от стены метнулись две черные тени, едва не снесли меня, почти одновременно на доске высветились два верных ответа... Вторая команда была на долю секунды быстрее — ей балл и засчитался.

Медленно, напряженно следя за атакующими, я отошла подальше от доски и прочитала следующий вопрос. Ответ на него был дан еще до того, как я успела дочитать. На этот раз снова команда Агейры. А обучающиеся вошли во вкус! Перешла к предстоящей контрольной по Карадару и начала быстро читать вопросы, оставив подсчет доске. Через несколько кан и я азартно следила за игрой и, уже невольно забывшись, поддерживала команды:

— Первая команда вырвалась вперед... снова. Вторая команда, что ж вы так, где ваше рвение? Инор Даган, к следующему занятию проведите воспитательную беседу. И... А-а-а, счет двенадцать — одиннадцать, вторая команда, еще рывочек. Счет тринадцать — четырнадцать, инор Агейра, мне стыдно за вас! Счет двадцать два — двадцать два, обе команды молодцы!

До конца занятия оставался лишь один кан, и последний вопрос должен был стать решающим. Суть в том, что за время этой игры я прогнала все вопросы из контрольной, а обычно вопросов для игры было всего десять. Впрочем, самое время дать возможность ответить командирам.

— Инор Даган и инор Агейра, на последний вопрос можете давать ответ и вы, на вас ляжет ответственность за поражение или победу вашей команды. Согласны?

Оба командира кивнули, причем, судя по сверкающим глазам, азартом здесь заразились все.

— Отлично. Командиры — в конец класса, икате держим в руках.

Агейра и Даган, схватив по грифелью, медленно прошли к дальней стене, не сводя взглядов с друг с друга, за-

тем развернулись и напряженно замерли. Момент был интересный.

— Последний вопрос, — произнесла я нарочито неторопливо. — Количество войск, участвующих в нападении с тыла при Карадарской битве! — выпалила я на одном дыхании, и все повернулись к командирам.

На этот раз они не торопились, видимо вспоминали цифру, которую я произнесла лишь раз. И вообще, в контрольной это задание шло как очень сложное.

— Ну же, инор Агейра, инор Даган! Теперь все зависит только от вас! — Мне действительно было безумно интересно узнать, кто победит, хотя подсознательно я болела за Агейру — все же каждый из знающих имеет своих любимчиков, хоть это и запрещено. — Занятие почти на исходе, атакующие!

Агейра метнулся к доске первым, Даган отстал лишь на долю секунды, и тут атакующих понесло: начались выкрики с мест, все вопили имя командира, подбадривали, проклинали предводителя соперников.

Совершив немислимый рывок, Даган опередил Агейру, но светловолосый сделал подсечку, провел странный боевой прием и оказался у доски первым... Даган написал свой ответ на мгновение позже, но именно его ответ был верным.

— Правильный ответ у второй команды, — с улыбкой произнесла я, — поздравляю!

Сигнал окончания занятия слился с разочарованными и довольными выкриками, переросшими в гул. Даган победно смотрел на расстроенного Агейру, а тот вглядывался в свой ответ. Теперь это были те самые ребята, которых я привыкла обучать.

— Инор Агейра. — Я подошла ближе, положила руку на его плечо. Жест был выверенным и выражал дружескую поддержку и участие. — Не стоит отчаиваться, наверстаете на следующем уроке.

То, что произошло дальше, повергло меня в шок: неумовимым движением Агейра схватил мою руку, поднес ее к губам и, нежно поцеловав, тихо произнес:

— Если за поражение я буду получать подобную награду, — еще одно прикосновение губами к поledenевшим пальцам, — то я готов проигрывать каждое занятие...

И это на глазах у всей группы, которая на подобное отреагировала как на нечто весьма интересное, но вполне обыденное! Даган же стоял с презрительной усмешкой. Мой характер, с которым работали лучшие читающие души, дал о себе знать:

— Инор Агейра, а старшего знающего Атанара вы доводили такими же методами? — Вопрос был задан самым невинным тоном, но результат не заставил себя ждать: Агейра мгновенно отпустил мою руку и отступил на шаг. — Домашнее задание проигравшей команды ожидаю завтра утром, за два акана¹ до занятия, естественно! — Я отвернулась, подошла к столу, собрала свои вещи, выключила доску, вернула аудиторию в прежнее состояние и вновь повернулась к атакующим: — Благодарю вас за занятие, все свободны.

И в абсолютной тишине покинула группу, радостно улыбаясь своей маленькой победе. Улыбка несколько померкла, когда я вспомнила, что впереди еще занятие с ведущими.

¹ Акан — временной отрезок, равный восьмидесяти кан.

Снова лифт и спуск на первый этаж. Для группы «Ведущие» использовалась и другая программа, и другие методы преподавания.

— Маноре Манире, — окликнула меня старшая знающая по логистике, — как вы?

— Ох, маноре Иллина! — Я села на край стола, с благодарной улыбкой приняла чашечку с дымящимся паеро¹ и сделала блаженный глоток. — Сложно, очень сложно. У меня все методики рассчитаны на другую возрастную группу, а тут... Сложно...

— Вам стоит попросить у главы академии планы и наработки старшего знающего Атанара, — мягко посоветовала Иллина.

— Да, несомненно, вы правы, но это потом, ведь потребуется время на изучение и согласование, а сейчас еще занятие с ведущими...

— Удивлена решением главы академии, — грустно и задумчиво произнесла шатенка средних лет и длинными пальцами с ухоженными ноготками забрала у меня пустую чашку. — Ранее в выпускных и старших группах преподавали лишь знающие мужского пола.

— Можете представить себе степень моего удивления, — печально произнесла я, — благодарю за участие.

К «Ведущим» требовалось прибыть до начала занятия, и вообще, эта группа в каждом потоке находилась на положении элиты, как, впрочем, и «Атакующие». Выйдя за пределы преподавательской, я тревожно вглядывалась в сеор, с ужасом понимая, что занятия в каждой группе будут ежедневными за исключением двух дней отдыха.

¹ Паеро — шоколадный успокаивающий напиток.

Шелест открываемых дверей оге и топот маленьких ножек заставили поднять голову от сеора и улыбнуться детям.

— Маноре Манире! — Из распахнувшегося лифта ко мне бежали мои самые обожаемые ученики — младшая группа. — Маноре Манире, у нас полевые занятия!

— Мы летать будем! — завопил вихрастый темноволосый Винеси, подбежал ко мне первым и радостно обнял.

— Я всех арарсар¹ убью! — закричал подбежавший следом Тинко, тоже прижимаясь ко мне.

— Два дегона летать будем! — Это малышка Ариси с розовыми кудряшками, моя любимица.

Сорок семь двенадцатилетних шалопайчиков, моих самых любопытных, любимых и непредсказуемых обучающихся из второй младшей группы. И я радостно кивала каждому, ахала и охала вместе с ними и безумно радовалась их радости, стараясь уделить внимание всем и каждому. В результате посреди холла образовалось столпотворение, центром которого была я, но меня это ничуть не смущало. В отличие от других знающих.

— Маноре Манире, — старший обучающий Рхан преврал наше восторженное общение, — нас ожидает катер.

— Простите, инор Рхан, — кивнула я и обратилась к детям: — Вам пора. Ведите себя хорошо, и чтобы я всеми могла гордиться. Иниан, смотри без шалостей!

Рыженький мальчик насупился, но все же кивнул в ответ, а я уже знала, что если он даст слово, то сдержит.

— Риной, следи за Орди и Бинге.

¹ Арарсар — обобщенное обозначение врагов Талары.

Глава группы, самый серьезный из них, усмехнулся в ответ — типа «и сам знаю». Судя по показателям обучаемости, ему предстояло стать атакующим.

Помахав ребятам на прощание, я поспешно направилась к лифту. Уже собираясь войти в кабину, оглянулась на детей в последний раз и натолкнулась на внимательный, задумчивый взгляд стоящего у преподавательской Агейры. С каких это пор атакующие спускаются на первый этаж в перерывах между занятиями? К арарсар атакующих, впереди занятие с ведущими.

Устало посмотрев на себя в зеркальную стену кабинки, поправила локон, выбившийся в период обнимашек с детьми. При воспоминании о младших на лице невольно появилась улыбка — обожаю этих деток, мы на каждом занятии придумываем что-то новое, в результате знания схватывают на лету, не зря почти у всей группы по «Истории Талары» высшие баллы.

Локон был безжалостно закреплен, и я улыбнулась своему бледному изображению. Знающим запрещено краситься, менять прическу, стиль одежды, обувь. Серость и безликость — вот наше кредо, ибо мы должны привлекать сердца обучающихся знаниями, а не красотой.

Меня отобрали в шесть лет, к двенадцати встал вопрос об отчислении — внешность неподходящая. Моя старшая сестра была определена в познающие искусство с пяти лет, с ее красотой это было неудивительно, а мы так похожи. И меня бы отчислили, но высокие баллы и мое направление специализации заставили отбирающих пойти на маленькую хитрость. Меня оставили, но рекомендовали использовать косметику — специальный крем, скрывающий естественный цвет кожи, придаю-

щий ресницам и бровям серый оттенок. Вот теперь я не выбивалась из общей массы, а значит, соответствовала облику истинной знающей.

Я не испытывала огорчения по поводу внешности, ну разве что лишь в те моменты, когда в родительском доме появлялась Олини, затмевающая все вокруг сладким ароматом духов, яркими, цветными тканями и чарующим смехом. Познающие искусство и сами были подобны шедевр: красивые, яркие, привлекающие внимание. Олини пела, на ее концерты собирались тысячи поклонников прекрасного голоса и таланта, да и сама сестричка не была обделена вниманием.

Лифт остановился, что заставило меня собраться и решительно направиться в нужную аудиторию. Никогда не жалела о своей судьбе: мне нравилось обучать, и я действительно любила детей... Жаль, что с моей специализацией внезапно оказалась слишком ценным кадром, чтобы меня могли оставить в младших группах. И в результате в мои девятнадцать в начале года обучения меня сорвали с собственных лекций и направили в Академию Ранмарн города Исикаре, причем не на практику, а на полноценную работу. А ведь до окончания обучения оставалось шесть лет... Возможно, я смогу доучиться позже, а возможно, мне придется познавать азы теории на практике и изучать ее в свободное время под руководством курирующего.

Оге остановился на отметке восемьдесят восемь — практически все выпускные группы обучались здесь. Я прошла по коридорам под удивленными взглядами многочисленных групп фланговых, наблюдающих, прикрывающих. Стояли здесь и малочисленные в сравнении с остальными атакующие, мимо них я также прошла с

уверенной осанкой и полной благожелательного расположения улыбкой.

Аудитория группы «Ведущих» располагалась в центре кругового шайгона, подчеркивая их безусловную значимость для Талары.

Ведущие встретили меня подчеркнуто вежливо. Двадцать шесть рослых молодых мужчин в ярко-красных мундирах, с коротко остриженными темными волосами, волевыми подбородками, правильными чертами лиц, широкими плечами. Истинные лидеры, за которыми в атаку устремятся сотни и тысячи подающих, фланговых, тыловых, следующих, разведывающих... Не устремятся вслед за ведущими лишь атакующие, эти — вольные птицы-одиночки, которых учат выживать и побеждать... любой ценой.

И все же среди ведущих я чувствовала себя спокойнее: ведущие никогда не станут срывать занятие, да и поведение здесь более чем консервативное... во всем. Но легкий трепет испытала. Ведущие — мечта каждой девушки, потому что стать спутницей жизни ведущего значило обеспечить себе безбедную жизнь, полную любви и внимания супруга. У ведущих никогда не было разводов, они становились превосходными отцами, их уважали и боготворили, они были воспитаны иначе... чем все остальные. Именно из них формировалось высшее военное руководство, и во главе нашей планеты стоял выходец из ведущих — таар¹ Иргадем. И не то чтобы остальным доступ к власти был запрещен, просто ведущих обучали руководить, а остальных — нет. Исключения случались крайне редко, и они лишь подтверждали правило.

¹ Та ар — верховный правитель.

Итак, пройти к доске, ввести код на панель управления, получить доступ, положить оба сеора и, выпрямившись, произнести:

— Приветствую лучшую группу Академии Ранмарн! — Это было важно — всегда поддерживать их значимость, положение и статус, от знающих этого требовали неукоснительно. — Меня зовут маноре Манире, я младшая знающая и буду замещать старшего знающего Атанара два последующих дегона. Мне бесконечно приятно находиться здесь и передать вам ту часть знаний, которой я обладаю. Садитесь.

Сейчас, глядя на этих, несомненно, красивых, серьезных и очень внимательных обучающихся, я не испытывала угрызений совести, а вот когда такое говоришь совсем маленьким детям, ведь ведущих отбирали с трех лет путем долгих проверок и тестов и в дальнейшем отсеивали... Тех, кто не вышел ростом и внешностью, тех, кто был готов слепо подчиняться приказам, тех, кто принимал слишком поспешные и невыверенные решения, тех, кто не набирал достаточное количество баллов... неблагонадежных.

Вот и эти... Вначале их явно было более трехсот в группе, теперь осталось всего двадцать шесть... Зато все уже с нашивками сотенных, тысячных, а трое даже десяти тысячных. Точнее, не так. Двое исполняющих обязанности десяти тысячных, на их алых мундирах символы JE-нкора нейтрально-серые, а вот у сидящего в третьем ряду ведущего с чуть раскосыми темными глазами знак десяти тысячного отлиывает алым — значит, он действующий десяти тысячный уже не менее трех полных оборотов Талары. Достижение, достойное восхищения.

— Приступим к занятиям!

На мою реплику они отреагировали спокойно, всем своим видом выказывая желание начать обучение, поэтому мелькнувшая на моем столе запись меня более чем удивила.

«Лирелька, ты что на моську намазала?!»

Резко подняв голову, окинула аудиторию несколько удивленным взглядом, и улыбка едва не появилась на моем лице: Санорен Эстарге. Лучший друг моего старшего брата и моя безумная детская любовь, окончившаяся слезами и истерикой, когда «взрослые мальчишки» хотели посмотреть серьезное видео без всяких «соплюшек» и выставили меня, такую влюбленную и довольную нахождением рядом с героем, из комнаты. Читающие души говорят, что детские обиды не забываются, — увы, вынуждена согласиться. Хоть давно простила и все поняла, но любовь моя к герою в алом мундире прошла окончательно. Как оказалось, это и к лучшему: в отличие от остальных знающих, я перед ведущими не робела и относилась к ним спокойно.

— Насколько мне известно...

Героически попыталась проигнорировать следующую запись: «Элька, это же я, Саня. Не узнала? По глазам же вижу, что узнала, еле сдерживаешься, чтобы не улыбнуться!»

Это было уже слишком.

Я взяла себя в руки и строгим голосом произнесла:

— Инор Эстарге, по вопросу детских воспоминаний можете подойти после окончания занятий!

— Так долго ждать? — возмущенно выкрикнул Санька, белозубо улыбаясь.

Глаза мои чуть сузились, и это был единственный признак вполне обоснованной ярости — здесь я знающая, а значит, обязана «держаться лица», и он об этом прекрасно осведомлен.

— Передам вашей матушке, что буду иметь честь видеть вас ежедневно последующие два дегона! — с коварной улыбочкой изрекла я и с удовлетворением проследовала за тем, как изменилось выражение его лица.

У всех есть слабости — слабостью Санорена была его мать. Впрочем, ее и все соседи побаивались.

— Прошу простить меня, маноре Манире, — хмуро изрек герой моих детских фантазий, — вероятно, я ошибся и был неправ.

— Принимаю ваши извинения. — Конфликт должен быть погашен раньше, чем у обучающихся возникнет к нему интерес. — Итак, тема нашего занятия: «Битва при Карадаре». Цель — изучить основные факторы, повлиявшие на решение командующего Ласваала, его методики в отношении личного состава, итоги и последствия сражения. Приступим к изучению материала. Это был хмурый зимний день, и командующему Ласваалу пришлось столкнуться с общим неудовлетворительным эмоциональным состоянием личного состава. Для поднятия боевого духа он использовал следующие методики: воззвание к моральным ценностям (защита семьи, родины, достойного будущего нации), повышение мотивации и прямой приказ, требующий беспрекословного подчинения в соответствии с Военным уставом Талары...

История — она всегда такая разная... Ведущим она преподавалась как история побед решительных и сильных людей, атакующим — как история сражений и поражений, логистам — как идеально выверенный расчет,

как закономерность, и много раз вдалбливался тот факт, что история всегда повторяется. Для всех остальных преподавание «Истории становления Талары» было универсальным, но преследовало одинаковые цели: заставить искренне верить в то, что наше государство лучшее и равных ему нет, что мы непобедимы, что мы всегда умнее, находчивее, способнее и значительно превосходим все прочие государства.

И подобная идеологическая политика давала свои результаты: жители нашей планеты были абсолютно убеждены, что все открытия совершены таларийцами, все изобретения сделали на Таларе, что самое лучшее вооружение у нас, что культурные достижения нашего народа не имеют аналогов во Вселенной, что любой, кто придет к нам с оружием, будет уничтожен.

Последняя догма была особенно актуальна в свете затянувшейся и далеко не победоносной войны с арарсар. Арарсар — мы так мало знали о тех, кого называли врагами! Впрочем, с некоторых пор все враги Талары были объединены этим названием. Когда я начинала обучение, учебники были одни... За одиннадцать полных оборотов Талары они сменились трижды, последний раз — в начале этого учебного года. Многие из знающих не пожелали следовать идеологии партии... Их отправили на передовую, им на смену бросили нас — восторженных недоучек-максималистов, свято верящих в непогрешимость таара Иргадема.

Я утешала себя тем, что преподавала историю, пусть это и была существенно обрезанная правда, но все же лучше, чем ничего. Еще утешала себя тем, что каждый народ должен свято верить в себя, в свою нацию, в свое

государство. И эта вера в силу таларийцев заменила нашему обществу веру в богов, коих правительство признало их «детской фантазией», а никто не хочет казаться глупым ребенком.

И мы все казались, а не были. Мы стремились любой ценой «сохранить лицо», решительно защищали «честь мундира» и всем миром порицали индивидуальность и желание быть не такими, как все. Исключение составляли лишь познающие искусство и атакующие — им позволялось выделяться из толпы. Еще одним исключением считались ведущие, но они были прирожденными лидерами, и серая, безликая толпа слепо шагала за кумирами в алых мундирах. Мы свято верили в свою непогрешимость и правильность, мы не допускали даже мысли, что наши догмы и аксиомы ложны...

Это были лишь мысли, мои глупые мысли, которые я гнала по ночам, а утром и сама верила в величие Талары — ведь если нет веры, смысл жизни теряется. И, стоя перед элитой таларийских войск, я рассказывала о действиях непогрешимого командующего Ласвааля...

Однажды на лекции старший знающий Тогоре с горькой усмешкой начал рассказывать, что Ласвааль был пьяницей и домогался подчиненных... Больше мы знающего Тогоре не видели.

Стол вспыхнул красным. Я бросила взгляд на расположение обучающихся, схематически отраженное на наране, и прочитала имя попросившего возможности задать вопрос: Киен Шао. С вежливой улыбкой кивнула инору Шао, вероятнее всего сыну командующего подразделением «Черного клина» Отнара Шао, разрешая задать вопрос.

Ведущий не поднялся, им позволялись и эти вольности, возвеличивающие их над остальными обучающимися.

— Маноре Манире, в свете изложенных фактов должен признать, что командующий Ласвааль неоправданно рисковал личным составом. Учитывая количество имеющихся в распоряжении войск, у него была возможность выстроить личный состав в комбинацию «Парящий осченге»¹ и, таким образом, значительно снизить потери людей и техники.

Прежде чем ответить, я вспомнила, что он здесь действующий десятитысячный, единственный в группе, поэтому мой ответ должен подчеркивать его значимость и достижения:

— Инор Шао, мне ваше решение кажется вполне логичным и верным, однако не будем забывать, что история не терпит сослагательного наклонения, и мы не можем изучать ее с позиции «а если бы». И все же я полностью согласна с вашим мнением, и я также считаю построение «Парящий осченге» более целесообразным в указанной ситуации, — с вежливой и одобряющей улыбкой завершила я.

Мы обязаны хвалить ведущих при любой возможности, целенаправленно культивируя их уверенность в себе. Еще раз взглянула на Шао: умное лицо справедливого командира, решительный взгляд, выверенные движения. Истинный лидер, за таким не раздумывая идут в огонь, воду и космос. Теперь и в этой группе у меня будет любимый ученик.

¹ Осченге — летающий ящер.

* * *

Занятие мы завершили к сигналу об окончании, я едва успела продиктовать названия трех мемуаров полководцев, участвовавших в битве при Карадаре, для изучения в качестве домашнего задания.

— Благодарю за занятие, — с вежливой улыбкой произнесла обязательное и от себя добавила: — Мне очень понравился вопрос инора Шао, в дальнейшем ожидаю подобных и от остальных членов группы. Все свободны.

Дождавшись, пока обучающиеся покинут аудиторию (еще одно отличие по отношению к «Ведущим»), я начала собирать вещи, ввела код в наран, отключая управление доской, сложила сеоры.

— Ну ты и вредина! — Санька, радостно улыбаясь, ждал меня у двери.

— Инор Эстарге, зайдите и закройте дверь, — подчеркнуто ласково попросила я.

Санорен с ликующей ухмылкой отошел от дверного прохода и подождал, пока стена с легким шипением сольется с полом.

Я тоже ждала именно этого момента.

— Слушайте, инор Эстарге. — Санька обиженно засопел. — Я тут знающая! *Знающая!* Вам это о чем-то говорит?

— Элька... — Он подошел ближе, обиженно посмотрел, и это выражение на его лице так не подходило общепризнанному герою. — Лирель, ну я так рад видеть тебя!

— Видеть вас, маноре Манире! — менторским тоном поправила его. — Это раз, а второе... Санька, совесть имей! Мне и так непросто, меня бросили как в огненный вихрь на ваши две выпускные группы, сняв с прежнего

расписания. В результате у «Атакующих» Агейра излишне умный и ведет себя несколько неадекватно, я с трудом сохранила лицо! А у вас... Думала, у «Ведущих» поспокойнее будет, но тут ты едва занятие не сорвал.

— Извини. — Он умопомрачительно улыбнулся и подал руку, помогая спуститься с возвышения у доски. — Я так обрадовался, когда увидел тебя, что просто не удержался. А ты хорошо ведешь занятия, раньше было скучно.

— Разве ведущие умеют скучать? — лукаво спросила я, искренне любясь героем моего детства.

— Мы умеем этого не показывать. А что там с Агейрой? Этот хмырь всех умудрился достать.

— Разберусь. — Я пожала плечами. — Он обучающийся, я знающая. Я справлюсь.

Санька открыл двери, и мы вместе пошли к лифту, сохраняя на лицах невозмутимые и отстраненные выражения, как и полагалось ведущему и его знающей.

Странно, Агейру я впервые увидела в группе «Атакующих» в начале учебного года, когда они ровным строем поднимались наверх — выделялся он чем-то из общей массы, хоть и не было у него ярко-малиновых волос, — но с тех пор второй раз видела только сегодня на занятии. А сейчас заметила уже третий раз за день. Агейра со скучающим видом стоял у лифта. Неужели ранее я не замечала его, потому что не обращала внимания? Странно, но, с другой стороны, закономерено: раньше он не был моим обучающимся.

— Ты домой сейчас? — тихо спросил Санька, следуя за мной в кабинку лифта.

Дождавшись, пока дверь закроется, я снисходительно ответила:

— Ага. Маме твоей ничего не скажу, не бойсь. И дело не в тебе, проблема в том, что мне совершенно не хочется таскать тебе в академию «жареного табасе да мясика».

Мы весело рассмеялись, потому что маниакальное желание маноре Эстарге накормить своего сыночка-героя давно стало поводом для беззлобных шуток в наших семьях.

— Так, а что ты на лицо-то намазала? — поинтересовался Санька, проведя пальцем по моему подбородку и уставившись на серый налет, оставшийся на его кончике.

— Это в целях конспирации, — подмигнула я лучшему другу старшего брата, — чтобы никто не догадался, сколько мне лет, и не выгнал из Академии Ранмарн.

Если бы Санька не являлся ведущим, он бы повелся, как и все мои знакомые, но Эстарге дураком не был.

— А, понял, ты же симпатичная и в образ серой и безликой знающей не вписываешься, а знающих «Историю Талары» сейчас мало осталось, вот и не пожелали партийные руководители терять такой ценный кадр.

— Какой ты умный, — не удержалась я от иронии.

— Но, Элька, ты такая мелкая, как тебя к нам поставили?

— Добровольно-принудительно! — Я тяжело вздохнула. — С малышами мне больше нравится проводить занятия.

— Значит, снова эксперименты ставят, — хмуро подытожил Санька. — А преподаешь ты потрясающе и очень интересно, не ожидал, что у Сана такая сестричка вымахает.

Сан и Санька — они всегда были друзьями, вот только их пути разошлись. Мой брат стал исследующим, и, так как разрабатывал оружие, мы уже много лет его не видели, а Санька выбился в ведущие. Такие, как он, всегда на виду.

— Все, пока, — помахала я Саньке и вышла из лифта. Эстарге поднялся вверх.

* * *

В преподавательской было пусто, только знающий исчисление вежливо кивнул мне в знак приветствия. Ответив ему вежливой улыбкой, я бросила оба сеора на свой стол и прошла в комнату омовений. Быстро раздевшись, встала под теплую воду, смывая серый крем с лица и волос. Затем переделалась в обычную одежду, на этот раз светло-бежевый брючный костюм, в котором было так удобно в теплое время, распустила волосы и вышла в преподавательскую. К этому времени началось очередное занятие, поэтому я не опасалась встретить обучающихся и могла спокойно отправляться домой.

В другое время я бы осталась еще на несколько акан, чтобы подготовить урок на завтрашний день, но сегодня... слишком устала — это раз, и, судя по сообщению, мелькавшему на моем столе, методики и планы занятий для «Атакующих» и «Ведущих» мне передадут только утром. Следовательно, занятие на завтра придется готовить самостоятельно.

Захватив сеор с собственными разработанными планами занятий, я, весело напевая, покинула преподавательскую через выход для знающих и направилась на остановку мигана.

На улице была чудесная погода. Ветер играл с моими распущенными волосами, и я чувствовала себя очень счастливой, оттого что справилась и оправдала высокое доверие. И вообще провела занятия достойно. А еще очень радовали слова Саньки: всегда приятно, когда тебя искренне хвалят. Казалось, счастливое пение всей моей сущности сливалось с гулом машин и моторов, рокотало песней отбойных ломателей, взрывалось раскатами отдаленного грома и стрекотало тысячей плывущих по мигану перемещателей. Наш техногенный мир был в апогее своего развития, а все развивающееся всегда прекрасно.

Внезапно идиллию нарушило очень знакомое:

— Маноре Манире!

Невольно вздрогнув, я обернулась на голос и увидела улыбающегося Агейру. Моя реакция соответствовала моей профессии:

— Инор Агейра, что вы здесь делаете? Как вы можете прогуливать занятия? Неужели не понимаете, что обучаться вам осталось всего три дегона? Вы должны использовать каждый день, впитывать каждую частичку передаваемых вам знаний! Обучение, инор Агейра, это сложный многоступенчатый процесс... как строительство космолета. Пропустить одно занятие — все равно что пропустить приварку ходовой части: рано или поздно космолет рассыплется. Так и с обучением. Недопустимо игнорировать занятия, инор Агейра, вам должно быть стыдно!

Я была искренне возмущена и не пыталась скрыть вполне праведный гнев.

Темно-фиолетовые глаза потемнели еще сильнее. Мне показалось, что атакующий хотел что-то сказать, но вме-

сто слов на его губах мелькнула горькая усмешка. Затем, чуть склонив голову, Агейра произнес:

— Простите, маноре Манире, вы совершенно правы.

— Рада, что вы это осознаете. — В этот миг как раз пришел вызванный мною перемещатель, и я решила пропустить ту часть высказывания, в которой требовалось продемонстрировать порицание. Протянула руку, коснулась его ладони: — Мы все совершаем ошибки, но главное — уметь их принять и осознать. Ступайте на занятия, инор Агейра.

И, благожелательно улыбнувшись атакующему, я села в миган¹ и забыла об обучающемся, сконцентрировавшись на вводе данных.

На повороте, значительно отделившись от высокого серого здания Академии Ранмарн, невольно обернулась и увидела все еще стоящего у посадочного пункта инора Агейру, задумчиво глядящего мне вслед. Он все еще стоял там! Он не пошел на занятие! Он так ничего и не понял!

Нужно будет связаться с курирующим Вейдо и обсудить данную ситуацию.

* * *

— Доложите результаты! — Главный проверяющий Талары, инор Шиеро, сложив пальцы домиком, внимательно смотрел на бледнеющего под столь пристальным взглядом главу Академии Ранмарн.

— Маноре Лирель Манире определенно вызвала интерес в обеих группах, но на решительные действия отважился лишь Алес Агейра...

¹ Миган — общественный транспорт, представляющий собой сиденье, передвигающееся по электрорельсу в заданном направлении.

Лицо проверяющего покраснело от гнева.

— Агейра проверен лучшими специалистами, он чист! — прошипел инор Шиеро. — А мне нужно найти того, кого они внедрили!

Знающий третьего танра инор Осане невольно вздрогнул, но не высказать собственного мнения не мог:

— При всем моем уважении, инор Шиеро, маноре Манире не подходит на роль приманки. Эта девушка природенная знающая, она не допустит никаких личных отношений с обучающимися. И более того, с двенадцати лет она состоит в отношениях с Шенондаром Кисану.

Инор Шиеро вежливо улыбнулся и включил видео из лифта. Просмотрев запись, глава Академии Ранмарн удовлетворенно кивнул и высказался:

— Только дружеские интонации и жесты, даже вы не можете этого отрицать!

— Да. — Шиеро коварно улыбнулся. — Но известно ли вам, что Лирель Манире перенесла в детстве психологическую травму, связанную с Санореном Эстарге, вследствие чего совершенно не испытывает трепета перед ведущими?

— Да, я видел отчет читающих души, но не могу назвать это травмой. Мы с вами в свое время были влюблены в Фею Роз, но это не мешает нам восхищаться познающими искусство и сегодня. Лирель Манире крайне ответственный работник, у нее высокие показатели во всех группах и особо выдающиеся результаты в младших группах. Во всех рекомендациях от обучающихся значится: «Для младших групп»...

Шиеро устало махнул рукой, прерывая собеседника, и тоном, не терпящим возражений, высказал:

— Лирель Манире прекрасная молодая девушка — таким образом, все должно сработать и без проявления инициативы с ее стороны. Таар Иргадем ждет от меня результатов, и ждет их давно. Если в течение дегона результатов не будет, тогда мы смоделируем ситуацию столь же органично, как и в этот раз. Они ничего не должны заподозрить! Продолжайте наблюдение, инор Осане.

* * *

Перемещатель с увеличивающейся скоростью мчал меня по прозрачной трубе мигана. Наша линия была одной из самых красивых в Исикаре. Особенно здорово было перемещаться ночью, когда все сияло тысячами огней, но даже днем взлеты и падения над огромным промышленным городом вызывали восторг.

В начале пути наша тридцать шесть тысяч семьсот тридцать вторая линия шла под городом, затем резко взмывала вверх над спиралевидным зданием академии познающих искусство и снова падала вниз, едва не касаясь военного завода «Тишису», производящего двигателя для рикаргов. Потом миган снова совершал головокружительный пируэт и проходил у самого пищевого завода. Иногда я выскакивала именно здесь, если мама просила что-то купить, потому что в нашем магазине все продукты очень быстро заканчивались, а здесь работал друг моего отца... Всегда хорошо иметь друзей.

Вообще миган использовали не все в нашем обществе: лечащие не рекомендовали его больным и пожилым, некоторые специалисты и вовсе признавали переместитель опасным, но правительству и так хватало забот с непрекращающейся войной. Поэтому другого,

более безопасного, транспорта пока не было придумано и построено. Вот закончится война, и...

Война...

Она велась еще до моего рождения, и я как-то привыкла, но те, кто был старше, иногда с тоской произносили: «Вот когда не было войны, жизнь была совсем иной...» Лично мне это казалось странным, потому что, как знающая, я давно поняла, что на Таларе до образования единого государства войны шли абсолютно всегда. А теперь война идет вне Талары, но все же идет. И еще очень странным казалось выражение: «Эта молодежь совсем испортилась, вот во времена моей молодости все было иначе...» Странным оно было потому, что на протяжении нашей истории так говорили абсолютно все, и каждое новое поколение порицалось старым.

Легкая тошнота и головокружение отвлекли от посторонних мыслей — на этом участке мигана всех и всегда тошнит, а мама обычно предпочитает выйти раньше и пройти пешком, но я слишком устала для этого.

Головокружительный спуск по спирали, и механический голос сообщил:

— Пункт доставки!

— С-спас-сибо. — Вышла, чуть пошатываясь, впрочем, как и всегда.

— Пожалуйста. Удачного трудового вечера! — пожелал перемещатель и сорвался подвозить очередного пассажира, искренне надеющегося, что «и в этот раз пронесет».

Естественно, все знали, что по статистике в мигане ежедневно гибнут до сотни пассажиров, но при населении в семнадцать миллиардов цифра казалась смешной.

И потому мы верили, что с нами ничего плохого случиться не может, и о безопасности мало кто думал...

Может, и зря.

Шагая по пластиковым улицам, я радостно улыбалась встречным — большинство из нашего квадрата, поэтому всех знала хорошо. У яркого здания местного магазина свернула к триста пятнадцатому входу, поднялась по лестнице на наш девятый этаж. Можно было бы использовать лифт, но я предпочитаю подняться по ступеням, потому что дом у нас элитный и на окнах растут цветы, которые посадили мама и бабушка Отро. В городе зелени нет, и я по-детски восторгаюсь каждый раз, когда вижу это зеленое цветущее чудо.

— Эля, поторопись уже, я тебя еще из окна видела! — Мамин голос, совсем как в детстве.

Я взбежала по лестнице, глубоко дыша, чтобы ощутить аромат цветущих лирелей, в честь которых меня и назвали.

Мама терпеливо ждала у двери.

— Ты сегодня рано, Эль, все хорошо?

— Мам! — Бросилась на шею с разбега, радостно поцеловала в обе щеки. — У меня сегодня такое было-о-о-о...

— Идем, маноре знающая, расскажешь, что твои детки сегодня еще выдали.

— Мам, «детки» — не совсем подходящее определение. Меня перебросили в группы от двадцати семи и до тридцати пяти лет!

Люблю удивлять маму, у нее всегда так забавно поднимается правая бровь, словно и верит и не верит одновременно. А еще мне нравится, как начинают улыбаться ее зеленовато-серые, очень красивые глаза, словно в них

загораются искорки, и хоть лицо еще серьезное, а уже понимаешь, что она смеется.

— Рассказывай, маноре знающая! — требовательно произнесла мама, накрывая для меня стол.

Рядом с мамой я всегда чувствую себя маленькой девочкой, и это так чудесно — просто побыть маленькой и такой нужной. Мама слушает очень внимательно, не перебивая, словно все, что я скажу, жизненно важно для нее, а мои проблемы она воспринимает как свои собственные и очень переживает за меня. И я бесконечно благодарна ей за это, только со временем все чаще одолевает мысль: а смогу ли я быть настолько же прекрасной мамой, с которой дети делятся абсолютно всем и которая всегда может дать дельный совет?

— В общем, вызывает меня утром глава академии, — начала рассказывать я в перерывах между поглощением любимого сырного супа, — и говорит: «А ступайте-ка вы, маноре Манире, учить деток постарше».

— Прямо так и говорит? — засмеялась мама, садясь напротив и с улыбкой глядя, как я ем.

— Ну, не совсем так. — Я чуть побледнела, вспомнив его намек. — Но смысл был примерно такой.

Мама протянула еще кусочек хлебного коржика, который испекла сама, и уже серьезно спросила:

— Неужели в выпускные группы?

— Ага, — кивнула я, как всегда удивляясь ее пронизательности. — Я теперь веду выпускные группы «Ведущих» и «Атакующих»! Представь себе!

Чуть хмурясь, мама переспросила:

— И надолго?

— Два дегона, — тяжело вздохнула я. — А моих малышей на полевые учения отправили, хнык... Мам, ну не

переживай так. — Нет, она не выказала беспокойства, только чуть уголки губ поджались, а глаза стали немного шире, но я очень хорошо ее знаю. — Mam, первые два занятия прошли отлично, в группе «Ведущих» так вообще Санька обнаружился, поэтому уверена: там сложностей не будет.

— Санька? Это который Эстарге?

— Ага, Сана друг... Сан же звонил вчера, ну чего ты так бледнеешь... Ну, мам!

— Нет, все хорошо. — Она улыбнулась, а в глазах все равно блестели слезы. — И как Санька?

Я с грустью посмотрела на нее: мама по Сану очень тоскует, хоть и старается не показывать. Он звонит каждый день, но голос такой грустный... И вроде улыбается, а в глазах отчаяние. И мама, она же все чувствует, плачет по ночам... думает, что мы не знаем...

— Санька, как и всегда, красавец! Не лидер в группе, но на положении звезды. Чуть занятие мне не сорвал.

И я начала рассказывать в подробностях, стараясь акцентировать на самых интересных моментах и отвлечь маму от мыслей о Сане.

Вообще, наша семья очень хорошо живет. Папа у нас законник, причем один из лучших в Исикаре, а дети все трое одаренные, никого в рабочие не отправили. Я догадываюсь, почему это так: мама воспитала в нас это стремление к совершенству и всегда поддерживала наши самые, казалось бы, нелепые таланты.

Первые песенки сестрички Олини вызвали желание закрыть уши и бежать подальше, а мама слушала очень внимательно, поправляла, направляла и хвалила за малейшие достижения, но никогда просто так. Я в семье младшая, и меня слушать никто не хотел, а мама слуша-

ла. Выслушивала все мои детские обиды и глупые мечты, и, когда отбирающие меня тестировали, я уже знала, что хочу быть знающей, хочу помогать другим находить свой путь. И пусть мне было непросто, но мамина поддержка помогла добиться этой самой заветной для меня мечты.

А Сан любил мастерить все — от стула-трансформера, который мы, дети, подсовывали гостям и весело хохотали, когда он начинал чавкать и сворачиваться, до икате, способного писать абсолютно везде. Когда к Сану пришли отбирающие, мы им этот стул и подсунули. Реакция отбирающих удивила: это был полный и абсолютный восторг, после которого братика определили в исследующие. Мы тогда очень радовались за Сана, а родители потом всю ночь сидели в комнате для еды и старались не смотреть друг на друга.

Только повзрослев, я поняла, что они оттягивали тестирование до десяти лет... и со временем осознала причину. С тех пор как Сану исполнилось двадцать пять, мы его больше не видели вживую, только в переговорнике, потому что Сан знал «Тайну», а следовательно, не покидал пределов острова Харда. В тридцать он должен был вернуться на полный оборот Талары, чтобы найти спутницу, заключить стандартный семейный союз и снова уехать... практически навсегда.

Рассказывая маме о событиях, случившихся за день, я помыла посуду, сделала нам по чашке успокоительного сбора и села, схватив жареный арше на закуску.

— И Агейра... А он больше ничего не спросил?

Ох, не понравился мне мамин тон.

— А что еще он мог сказать, мам? Он был неправ и осознал свою ошибку.

— А-а-а... — Мама так загадочно улыбнулась, что мне стало не по себе. — А он симпатичный?

— Кто? — уже возмущенно переспросила я.

— Ну, этот Агейра...

— Мам! Он обучающийся! Какое мне дело, симпатичный или нет, если он атакующий?! Вот если бы был среди ведущих, был бы красивым, а так... обычный неформальный лидер, естественно привлекательный по-своему. — Я задумалась, поняла, что нужно идти и готовить план занятий на завтра. — Наверное, у «Атакующих» все же буду и дальше проводить игры, может, в другом формате, но там же нужно воспитывать стремление к совершенству и дух соперничества, так что это идеальная методика.

— А «Ведущие»? Что у них используешь?

— Знаешь, мне вот очень идея Шао понравилась. Наверное, буду давать задания на альтернативное развитие событий при непосредственном изучении личности командующего. Таким образом они научатся видеть сразу несколько вариантов решения проблемы, и это в дальнейшем им поможет.

— Ох, маноре знающая. — Мама погладила меня по руке. — Тяжело тебе придется.

— Всего два дегона... справлюсь. Справилась же в начале года, когда меня из академии знающих перевели в Ранмарн на должность работника. А вы с папой переживали.

— Эля, мы и сейчас переживаем, — с неожиданной грустью сказала мама, — все вы у нас какие-то выдающиеся получились...

— Было бы о чем печалиться! — Я подскочила и обняла мамочку. — Все будет хорошо!

Резкий звонок переговорника заставил меня подпрыгнуть от неожиданности. Я подбежала к стене и нажала кнопку приема. Темноволосый зеленоглазый парень радостно мне улыбнулся:

— Элька, ты сегодня рано!

— Привет, Шен, сегодня да, пришла пораньше.

— Так идем гулять!

— Э-э-э-эм...

Мама встала, подошла ближе:

— Добрый день, Шенондар. Куда ты ее сегодня вести хочешь?

— Добрый вечер, маноре Манире. Мы на озеро хотели, пока еще тепло... Можно?

Не обращая внимания на мои отчаянные знаки, мама, смеясь, произнесла:

— Конечно, можно. Выгаскивай ее, а то она опять в хранилище знаний залезет до ночи, так и вся молодость пройдет. Заходи, она будет готова через пять-десять кан.

И самым подлым и коварным образом мама отключила переговорник.

— Мам! Это жестоко! У меня на завтра занятия не подготовлены, информацию нужно посмотреть, не буду же я их опять по конспектам младшей группы учить!

— Марш гулять! — безапелляционным тоном заявила эта мучительница. — Шен тебя обожает, а ты только и знаешь, что о работе думать. Все, слышать ничего не хочу, иди переодевайся!

— А-а-а-а, как несправедливо-о-о! — Отчаянно вопя, я потопала в свою комнату и стала яростно переодеваться в костюм для купания. — Я все равно не могу с ним в стандартный союз вступить, мне нет еще двадцати пяти.

— Зато ты уже работаешь, а значит, детей рожать можешь. И не забывай, что мы с отцом настаиваем на традиционном союзе! — хладнокровно заявила мама и уже очень тихо добавила: — Не нравится мне вся эта история с «Историей Талары».

— Мам, ты неисправима! — Я надела поверх весьма откровенных лоскутков непромокающей ткани цветастое платье. — Но я хочу сначала обучение завершить, а потом уже думать о *стандартном* семейном союзе.

Едва успела подкраситься и волосы присобрать, появился Шен, как обычно с дорогими конфетами для мамы и очередным маленьким подарком для меня.

— Лирель... — восторженно выдохнул заводила нашего квартала, — ты такая красивая...

— Ты тоже ничего, — буркнула я, забирая коробочку с браслетиком из сияющих сине-зеленых океанских камней. Браслетик был восхитительным, поэтому я искренне произнесла: — Спасибо, камни чудесные.

— Увидел, что они похожи на твои глаза, и не смог пройти мимо, — радостно улыбнулся Шен — я редко его хвалю.

Осторожно двинулась к выходу, придерживая пакет с полотенцем и пляжным покрывалом. Но маму не проведешь.

— Эля! — строго произнесла мама.

— Мамочка, пока, буду до заката...

— Эль!

— Ну, мама! Он мне нужен!

— Эля, оставь его дома!

Хмурую, чеканя каждый шаг, я подошла к столу и достала из пакета сеор, тайком захваченный для работы у воды. На лице мамы тут же появилась довольная улыбка.

— Все, мои хорошие, удачно вам отдохнуть.

Даже не оборачиваясь, я вылетела из нашего кимарти¹ и тут же зашла в лифт, Шен едва успел догнать.

— Элька, что на тебя нашло? — возмущенно спросил он и поймал мою улыбку. Затем я демонстративно развязала ленты на платье и достала второй сеор, который успешно спрятала за пазухой. — Эля, мы же отдохнуть собирались! — простонал мой будущий спутник.

— Ты собирался, а у меня занятия завтра! — И, видя его расстроенную физиономию, добавила: — Поплаваем, поныряем, а потом я тихонечко поработаю на берегу. Не хмурься!

— Лирель, ты неисправима, — обреченно произнес Шен и попытался меня обнять.

Вот не понимают некоторые с первого раза. В результате мы пошли к его кийту разобиженными друг на друга.

Лучше бы я дома осталась.

* * *

Водоем Оранто создали для разведения полезных водорослей. Никто не знает почему, но в результате познающие там что-то напутали с изучающими, и водоросли позорно погибли, не оправдав надежд правительства на витаминное питание. Жители Исикаре особо не расстроились, потому что взамен невкусных, но очень полезных водорослей у нас появилось целое озеро в пределах города. До заката здесь собирались все мы — обучающиеся и избранные отбирающими, а после заката и рабочие, у которых трудовой день длился значительно дольше.

¹ Кимарти — жилище.

На нашем месте уже собралась вся обычная компания. Почти все друзья Шена, такие же законники, как и он, и мои друзья — голубоглазая и светловолосая Идит, которая обучалась как познающая, Синта, тоже знающая, а также кареглазая шатенка Винен и ее возлюбленный Айдо, оба будущие читатели душ.

— Привет, народ! — изрекла я, едва мы дошли от стоянки. — Как вода?

— Привет, наша трудяжка, — засмеялась Идит. Они все меня подначивали с тех пор, как я получила место в Академии Ранмарн. — Вода отличная, пошли плавать.

— Элька, я тебе такое скажу-у-у-у, — таинственно произнесла Винен, обнимая меня. — Это было та-а-а-ак...

Интересно, вот как объяснить подруге, что ее постельные приключения меня не интересуют, а от подробностей и вовсе тошнит? Но нет же, приходится выслушивать, потому что иначе Вин чуть прищурит глазки и начнется: «Эль, отношения между мужчиной и женщиной интересны всем, а если тебе это неприятно, значит, наличествуют глубоко скрытые комплексы в подсознании... А давай я тебя протестирую!» И приходится делать вид, что я ее внимательно и с интересом слушаю.

У моих друзей, конечно, есть недостатки, но в целом это замечательные ребята, а вот друзья Шена мне определенно не нравятся, Шен из них самый лучший. Лорхо, Дев, Симан и крепыш Тодо — все законники, все из одной группы, все со странными взглядами. Шен и не знает, что каждый из его «друзей» предлагал мне стать его девушкой, стоило Шену отлучиться, причем чисто из желания обойти «друга», свойственного парням-законникам. Мне хватило такта и уважения, чтобы сохранить это в тайне, но то, как они на меня смотрят... неприятно.

Переговариваясь и обмениваясь новостями с девочками, я сняла платье, расстелила покрывало, осторожно положила сеор под демонстративно недовольное всеобщее: «Элька, ты опять!» — и побежала к озеру.

* * *

...Все тревоги отступают, стоит с разбегу нырнуть в воду, плыть все глубже, уносясь от шума, людей, города... Замереть на миг, наслаждаясь этой удивительной тишиной, а затем резко, с некоторой обреченностью вынырнуть, возвращаясь в реальный мир. И, отдышавшись, вновь погрузиться в воду, ловя краткий миг наслаждения одиночеством, которое принадлежит только тебе...

Рядом ныряет Шен, обеспокоенно вглядывается, и приходится снова выныривать.

* * *

...Сегодня был замечательный, очень теплый день, и солнце успело прогреть песок настолько, что его тепло ощущалось даже сквозь покрывало. Расчесав мокрые волосы, я легла на живот и, включив сеор, принялась составлять план занятий на завтра, игнорируя возмущение друзей.

— Элька, ты зануда, — обиженно произнесла Идит, — нельзя столько работать.

— Можно, — отмахнулась я, выводя: «И таким образом, следует отметить, что Ркарский договор стал вехой в отношениях с подчиненными народами...» — Все можно, если аккуратно и осторожно. Просто у меня новые группы, очень сложные.

— Мм, ведущие-е-е... — с восторгом протянула Вин. Я удивленно подняла голову и посмотрела на нее:

— Откуда ты знаешь?

— Знаю что? — переспросила Винен. — Я говорю, вон ведущие пришли, мм-м, какие красавчики...

Идит тоже посмотрела куда-то поверх меня.

Я с некоторой обреченностью повернула голову и с ужасом взглянула на группу в меру мускулистых, сильных, гибких, загорелых, темноволосых молодых мужчин — ведущие выделялись сразу, особенно если шли вот такой группой в семнадцать человек. Но хуже всего было то, что это оказались не какие-нибудь просто ведущие, а именно обучающиеся в выпускной группе!

Мои обучающиеся!

— О Великие Свидетели! — с ужасом произнесла я, разглядев среди них еще и Саньку. — Откуда они вообще тут взялись? Ранмарны же всегда на той стороне сидят...

— А сегодня нам повезло! — едва не подпрыгнула от радости Идит, обнажая все, что можно. — И мы определенно не будем упускать такую чудесную возможность.

Я энтузиазма подруг не поддержала, наоборот, прикрыла все подставленное солнцу полотенцем Шена и отчаянно призвала взглядом своего парня, сидящего с друзьями чуть в отдалении. Мой будущий спутник никак не отреагировал, ибо смотрел не на меня, а на эталоны мужской красоты, как и все остальные на озере.

К моему великому счастью, ведущие расположились вдалеке от нашей компании, и осталась еще надежда, что меня не заметят. Хотя бы уйти, когда они пойдут купаться.

Во избежание любых случайностей я перекинула волосы так, чтобы мое лицо было невозможно разглядеть

с их стороны, и погрузилась в написание конспекта занятия.

И вот когда я уже совершенно успокоилась и мысленно была в событиях подписания Ркарского договора, рядом со мной на покрывало плюхнулся кто-то, но я и не глядя знала, что это Шен, потому что больше просто некому.

— Я занята, — не поворачиваясь, произнесла грозно. — А вообще, Шен, хватит предаваться употреблению алкоголя, поехали домой! И больше я на озеро ни ногой... все два последующих дегона.

Рядом раздался веселый хохот, а затем и веселый голос Саньки:

— Элька, ты даже вне стен академии такая серьезная?

О Великие Свидетели, за что вы так со мной? Как он меня вообще заметил?! Что за ужасный день! Остальные меня могли бы и не заметить, но если подошел Санорен, значит, точно увидели! Не глядя на этого смеющегося хроста¹, я со стоном опустила голову на сеор и издала протяжный глухой стон.

Думала, что хуже уже быть не может, но, как оказалось, может, и еще как, потому что после моего стога раздалось:

— Маноре Манире, вам плохо?

И Инор Шао — а такой глубокий, вызывающий расположение голос мог принадлежать только ему — опустился рядом на колени, взял мою руку, оцепеневшую, как и вся я, сжал пальцами запястье, отмеряя пульс.

Странно ощущать свою руку в его ладони...

¹ Хрост — животное, использующееся как основной источник мяса.

— Нет, не плохо, — нагло выдал Санька, — это она всегда так злится. Сейчас стонет, а потом начнет швырять все, что под руку попадет! Элька — она такая.

Швыряться всем, что под руку попадет, при своих обучающихся? О нет, спасибо, и так позора на сегодня мне уже хватит!

Еще один тяжелый, обреченный выдох, и я мягко забрала свою руку у ведущего.

Пора прекращать данное представление.

— Нет, инор Шао, со мной все в порядке. — Пришлось поднять голову, откинуть назад волосы и вежливо улыбнуться. — Благодарю за вашу заботу, но со мной все хорошо, не стоит беспокоиться.

Киен Шао был в черном ате, выгодно оттенявшем загорелое тело с рельефными мышцами. Смотрел он на меня с подчеркнутым вниманием и готовностью позаботиться в любой момент, если возникнет подобная необходимость. Впрочем, чего еще можно было ожидать от ведущих, которых воспитывали как положительных героев?

Заматавшись в полотенце чуть ли не по подбородок, я поднялась и поняла, что подошли к нам только Санька, нагло лежавший в данный момент на моем покрывале, и Киен Шао... Значит, все не так плохо.

А-а-а-а, зря я обрадовалась — вся остальная часть их «вылазки по воду» лежала не так уж и далеко и приветственно махала мне руками. Чудесно!!! Теперь все присутствующие перевели взгляды с ведущих на меня.

Медленно выдохнула, представила, что на мне не полотенце, оставляющее открытыми шею и руки, а форма знающей, и стало немного легче.

Так, теперь нужно избавиться от свидетелей.

— Инор Шао, не могли бы вы оставить нас одних? — вежливо произнесла я, указав на Саньку.

Странно смотреть свысока на ведущего, который сидит у твоих ног и пристально разглядывает. Причем именно разглядывает, явно проводя аналогию со мной той, собранной знающей, и этой — сопливой по сравнению с ним растрепанной девчонкой. И вот как после подобного унижения вести занятия в этой группе?!

— Да, конечно, маноре Манире.

Шао гибко, одним движением поднялся, бросил на вежливо улыбающуюся меня еще один странный взгляд и удалился под восторженные стоны всех находящихся на берегу девушек.

Невольно посмотрела на Идит и Вин, которые не в силах были вымолвить даже слово, воззрившись вслед уходящему эталону привлекательности.

Осознав, что внимание на их состоянии лучше не акцентировать, повернулась к Саньке.

— Санорен Эстарге... вы что себе позволяете?! — сказала тихо, но не скрывая недовольства и гнева.

— Эль, ты чего? — обиженно выдал он.

— Встать, когда к вам обращается знающая!

Санька поднялся, и я тут же об этом пожалела, потому что воспитывать комфортнее тех, кто значительно ниже, а не выше на добрых полторы головы. Но когда меня подобное останавливало?

— Вы хоть соображаете, что творите, инор Эстарге?

— Эль, мы просто поздороваться подошли...

— Здороваться вы будете в академии на занятиях! — Я не кричала, но была настолько зла, что позволила себе чуть повысить голос.

Санька явно подобного не ожидал:

— Лирель, я не понимаю... ты чего?

— Не понимаешь? — Я чуть прищурила глаза. — А представь, что ты оказался в одном купальном ате¹ перед высшим командованием? Вот это примерно то, что сейчас испытываю я! Недопустимы контакты знающих и обучающихся вне стен академий!

До него начало доходить... Или мне так показалось.

— Лирель, прости, я не думал, что ты так отреагируешь. Я должен тебе кое-что рассказать, и... Киен очень хотел тебя увидеть, и я вспомнил, что раньше мы всегда здесь сидели с Саном, подумал, что ты тут... Прав оказался.

— Инор Шао будет видеть меня почти ежедневно в течение следующих двух дегонов, и я сомневаюсь, что это была его идея!

Он попытался что-то сказать, но я оборвала поток возражений одним резким движением:

— Оставьте меня, инор Эстарге!

— Эль, я хотел поговорить и...

— Я непонятно выразилась?

— Лирель!

— Вы обязаны выполнять мои требования!

— Маноре Манире... простите. — Его глаза зло сузились. Это я довела ведущего до состояния ярости? Чему их только учат... — Подчиняюсь вашему требованию! — отчеканил Санька и, крутанувшись как на плацу, ушел к явно удивленным одноклассникам.

Тем самым одноклассникам, которые продолжали смотреть на меня! Я заметила, как поднялся Киен Шао, но Санька, взяв его за плечо, удержал. Хоть за это спасибо!

¹ Ате — короткая облегающая одежда для купания.

* * *

Устало опустилась на покрывало, все так же замотанная в полотенце, которое уже и не собиралась снимать. Шен подбежал, едва Санька отошел на десяток шагов.

— Лирель, ты знакома с ведущими? — удивленно спросил мой кавалер.

— О да. Знаю ровно двадцать шесть выпускников ровно с сегодняшнего дня! Шен, — я с мольбой посмотрела на него, — увези меня отсюда, очень прошу.

За что люблю наши отношения — Шен всегда исполняет мои просьбы, и это очень радует. Через несколько кан я уже была в платье, торопливо собирала покрывала и полотенца, аккуратно укладывала в пакет поверх них сеор и все это время выслушивала многочисленные вопросы подруг и просьбы пойти и познакомить их с ведущими.

Но в конце концов я не выдержала:

— Они мои обучающиеся, Вин. Девочки, они для меня работа, как для тебя, Вин, тестируемые, а для тебя, Идит, исследуемые.

— Но они же ведущие! — восторженно произнесла Идит, косясь на группу мускулистых положительных героев, нагло следящих за моими торопливыми сборами.

— Идит, — я со стоном протянула пакет Шену, — мне и так плохо, не надо меня доставать этим «веду-у-у-ущие-е-е». Все, всем пока, удачного окончания трудового вечера!

Шен, что примечательно, ни о чем больше не спрашивал, и мы пошли к его кийту молча.

На общественной стоянке выделялись шесть дорогих кийтов черно-красного цвета, так что всем и сразу было понятно, чьи они. Но это не останавливало девушек от

восторгов по поводу ведущих, а парней — от обсуждения мощности улучшенных летательных аппаратов, доступных лишь привилегированным единицам... таким, как ведущие выпускной группы.

* * *

Пока Шен укладывал пакеты в отделение для груза, я нервно стояла и ждала его у дверцы.

И совершенно напрасно надеялась, что на этом все неприятности закончились.

— Маноре Манире, — раздалось позади меня.

И снова этот глубокий, волнующий голос Киена Шао...

Пришлось вновь вежливо улыбнуться и, удерживая это вежливо-благожелательное выражение на лице, повернуться к обучающемуся.

— Да, инор Шао?

Он все еще в ате, но его, похоже, это не смущает. Как не смущают и откровенно разглядывающие его столпившиеся на стоянке дневные. Шао, казалось, вообще никого не замечал и смотрел исключительно на меня.

— Простите за вопрос, — голоса ведущих хорошо поставлены, и из-за этого словно сразу проникают в сознание, — но я не могу не спросить. Вы покидаете озеро из-за... нашего вторжения?

Последний раз мне было так неудобно, когда мы с Шеном и Вин после алкоголя прыгали в фонтане, и тут я повернулась, а там стоят два мальчика из группы, в которой я один дегон вела практику, и вежливо так со мной здороваются. С тех пор я поняла: знающая — это на всю жизнь, и расслабляться нельзя, потому что неизвестно, в какой момент и где тебе встретится один из бывших или